

Александр
Градский

Музыка — ОКНО В мир...

Композитор и певец
Александр Градский
рассказывает

о своих последних работах,
говорит о проблемах
современной музыки,
которой занимается
много лет.

№ 12
март
1987 г.

Собеседник

рошем смысле слова. Естественно, возникла мысль: нельзя ли в музыкальной стилистике сделать то же самое? То есть собрать в единый музыкальный язык совершенно разные жанры, формы, стили, которыми я владею. Будет здесь канкан, хард-рок, оперные куски и цитаты из Стравинского, Штрауса, Берлиоза, Россини. Чтобы музыкальное действо было не пестрым, а разноплановым.

— Это будет альбом?

— И возможно, тройной или четверной. Кто знает? Много будет солистов, хор. Хочу привлечь к этой работе тех, кто участвовал в записи рок-оперы «Стадион». Это пока все, что я могу сказать.

— Александр, в последнее время вы занимаетесь исключительно крупными музыкальными формами — оперы, сюиты...

— И даже — балет. «Маугли» по Киплингу я написал еще в восьмидесятом. Но кому его ни показывал, все в один голос говорили: «А... «Маугли» — это детский балет». И я решил назвать свой совсем не детский балет «Человек». Переговоры о постановке ведутся.

— И все же вернемся к тому жанру, с которого вы начинали, — к песне. Изменилось ли с течением лет ваше к ней отношение?

— Сейчас мне 37 лет. Из них двадцать три года я пишу музыку. За такой срок отношение к песне, конечно, должно было измениться.

— А в 14 лет — возраст многих наших читателей — все было ясно и определено?

— Нет, тогда я не предполагал, что увлечение рок-музыкой станет профессией на всю жизнь. В четырнадцать лет заканчивал музыкальную школу по классу скрипки и разрывался между рок-музыкой и классикой. Играл в разных группах, создавал их сам. Скажем, организовал «Скоморохи», играл в «Скифах». В девятнадцать я поступил в Институт имени Гнесиных. И там я окончательно понял, что одно другому не мешает. Даже наоборот — происходит взаимное обогащение направлений. Я не считаю себя рок-музыкантом. Из рока я вырос, как из коротких штанишек. Это только один язык из многих, которыми я владею.

— Ваше поколение отличает ранняя самостоятельность. А какой вы видите молодежь сегодня?

— Самостоятельность? Наверное, да. В пятнадцать я мог материально себя

обеспечить. В тринадцать лет я потерял мать. Но нынешнее поколение молодых, мне кажется, менее инфантильно, чем наше. Хотя, я знаю, распространена и другая точка зрения. Инфантилизм многогранен. Сегодня они лучше понимают, что ложное, а что нет. Их на мякине не проведешь. Но, с другой стороны, они безразличнее, что ли, чем мы. Те идеалы, которые им кажутся ложными, они лихо отвергают, но выработать что-то свое не могут. Слишком уж часто они считают, что бороться, отстаивать свои убеждения бесполезно, главное — хорошо устроиться в жизни. Не виновато ли в этом старшее поколение? Видите, начинаешь говорить о песне и невольно переходишь на другие, социальные аспекты. Наверное, это нормально, тем более если речь идет о молодежной музыке. Между теми песнями, с которых я начинал и которые начал писать в начале восьмидесятых, — пропасть. Те песни оказались заготовками для будущих сюит. Вообще мыслишь циклами или сюитами мне показалось интересней. Так в свое время родились «Размышления шута» (1974 г.), «Русские песни» (1976–1979 гг.). А песни на свои стихи я рассматриваю как высказывания на ту или иную социальную тему. Если мне есть что сказать по какому-либо поводу, я пишу песню. И музыка в ней несет уже скорее знаковый характер. Так были написаны две песни памяти Владимира Высоцкого — «О белом и черном», песня о телевидении...

— Как-то вы сказали, что будете выступать в опере в несколько необычном для себя качестве...

— Верно. Геннадий Николаевич Рождественский предложил мне участвовать в опере «Борис Годунов», которую он собирает записывать на «Мелодию». Петь партию Самозванца. Но я в свою очередь сделал ему контрпредложение — исполнить партию Юродивого. Часто слушаю Шалапина. И понимаю — вот настоящая опера. Ведь почему пустыют оперные театры на периферии, а столичные часто заполняются приезжими, которые идут отметить в известном театре? Скучно и неинтересно в опере. Что может быть нового, скажем, в «Пиковой даме»? Сюжет известен. Нужна, значит, убедительность режиссера и исполнителя, которые по-новому помогут зрителю прочесть слово этой оперы. А этого в театре сейчас нет. Артисты озабочены лишь тем, как

поставить ноту, которая, кстати сказать, еще не всегда и звучит.

— Но ведь эстрада сейчас тоже во многом скучна, безлика и неинтересна. И качество ее оставляет желать лучшего. Но залы не пустуют. Где же логика?

— Эстрада — другое дело. Это музыка сегодняшнего дня. Она оперирует другими понятиями. И даже плохо сыгранная доходит быстрее. Но от примитивных формул — я люблю — ты не любишь — август — сентябрь — поедем на новостройку — рождается примитивный образ мышления у тех, кто это слушает. Средняя музыка идет валом, потоком. Ее не остановить. Сегодня вкус редактора определяет музыкальную политику на радио, телевидении. Но вкус редактора — это всего лишь вкус редактора, а не объективная оценка.

— Сколько уже об этом говорилось. Вот и вы...

— А я знаю, как это положение изменить. Надо ввести элементарный математический счет. Представьте, что у нас пятьдесят — шестьдесят исполнителей, работающих в жанре популярной музыки. А что такое популярная музыка? Это рок, регги, коммерческая музыка, новая волна. Рок-музыка, скажем, поднимает одни проблемы, регги другие, диско вообще никаких проблем не поднимает, а занимается развлечением людей. Необходимо, чтобы люди имели возможность сами услышать эту музыку и оценить. Разным направлениям музыки должно найтись равное место в программах телевидения и радио.

Чистая математика: Пятьдесят различных исполнителей, каждый получает возможность выступить два раза в месяц перед всесоюзной аудиторией. Каждые полтора-два месяца по письмам зрителей составляется одна десятка лучших произведений и исполнителей. По мнению критиков, которых нетрудно пригласить к обсуждению, составляется другая десятка.

Мнение критика о десятке, избранной зрителем. Мнение среднего зрителя о десятке, названной критиками, — разве это неинтересно? Это создало бы объективную картину. Но пока редактор самолично решает, что поймет народ, а что не поймет, что ему надо, а что не надо, — серая, безликая продукция будет валом валить.

— Сегодня много говорят и спорят о роке. Время сняло с повестки дня

нелепый вопрос — «быть или не быть року». Но поставило другие. Какой, на ваш взгляд, наиболее важный?

— Отношения между музыкантами, которые работают в одном жанре.

— Что вы имеете в виду и кого?

— Я говорю о московских рок-музыкантах. Ведь существует еще и ленинградский рок, прибалтийский. Процесс развития этого направления музыки идет у нас непрерывно. Кто-то начинал его, развивал, продолжает. Движение, в котором есть не только музыка, но разные направления, стили. Рок многообразен. Интересно работает московская рок-лаборатория, состоящая из самостоятельных музыкантов. Пусть они «Иваны, родства не помнящие», пусть для них, скажем, Градский, Макаревич, Ситковецкий — «старые вешалки», пусть их творчество скорее рок, чем музыка, а наше — скорее музыка, чем рок, все равно мы делаем общее дело. Нельзя забывать об этом.

Они противопоставляют непрофессионализм (как статус, конечно) профессионализму, утверждая, что профессиональная сцена мешает искренности, свободе. Вот только какой? Действительно, если Андрей Макаревич что-то потерял на большой сцене, но он же и приобрел. Иначе не бывает и быть не может. А от чего свободны некоторые самостоятельные музыканты? Разве что от хорошего вкуса, умения петь и владеть инструментом.

В общем, такие конфликты — скорее мышинная возня внутри движения. И она наносит вред не конкретным музыкантам — лучше или хуже мы играть не стали, — а общему делу, которому многие из нас отдали немало сил и лет.

— Что может, по-вашему, изменить создавшееся положение?

— Я считаю, что профессиональные и непрофессиональные музыканты должны быть вместе. Хотя, по моему давнишнему убеждению, профессионал — это тот, кто хорошо играет, поет и сочиняет, а непрофессионал тот, кто делает это же плохо. Вне зависимости от того, где они работают — в филармонии или дворником в жэке...

Беседу вела
Марина Райкина.